

СЕРГЕЙ СВЯТОСЛАВОВИЧ ВОЛКОВ

кандидат филологических наук, доцент, заведующий отделом «Словарь языка М. В. Ломоносова»

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

sergejvolkov2006@yandex.ru

Рец. на кн.: Московкин Л. В. Языковое образование в Академическом университете и гимназии в XVIII веке. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. – 144 с.

Книга доктора педагогических наук, профессора СПбГУ Л. В. Московкина посвящена одному из самых интересных периодов в истории русского образования – раннему «петербургскому» периоду, когда центром европейского просвещения в России становится новое государственное учреждение – Санкт-Петербургская Академия наук, а ученые, в ней работающие (преимущественно иностранцы), были обязаны заниматься и научной, и преподавательской деятельностью. Такое своеобразное соположение науки и образования представляется весьма актуальным в настоящее время, так как ученики гимназии и студенты Академического университета были вовлечены в исследовательскую работу лабораторий Академии, деятельность Географического департамента, Типографии, Российского и Исторического собраний, они участвовали в академических экспедициях (укажем, например, на сотрудничество И. И. Лепехина и студента Н. Я. Озерецковского в экспедиции на Русский Север), приобретая под руководством профессоров Академии глубокие теоретические знания. Одновременно с этим студенты университета получали практический опыт, выполняя обязанности преподавателей низших классов гимназии или переводчиков в Переводческом департаменте; последнее, помимо практического опыта, позволяло им глубоко осваивать передовую европейскую научную литературу. Именно тогда, как представляется, начали формироваться хорошо знакомые нам по современному Санкт-Петербургскому университету научные школы и добная традиция научного «профессорского» наставничества.

История Санкт-Петербургской академии наук XVIII века привлекает внимание многих современных ученых (Е. Ю. Басаргина, Т. С. Буторина, Х. Кайперт, Э. И. Колчинский, Т. В. Костина, В. Лефельдт, Г. И. Смагина, В. С. Соболев, Е. Г. Пивоваров, И. В. Тункина, М. Ф. Хартанович и мн. др.); в значительно меньшей степени в современной научной литературе представлены вопросы истории развития концепций русско-

го языкоznания и лингводидактики XVIII века. Но именно эти вопросы, в том числе состав и специфические черты учебной литературы этого периода, являются объектом рассмотрения в книге, что говорит об актуальности и оригинальности исследования профессора Л. В. Московкина.

Книга состоит из трех разделов: 1) История Императорской Академии наук, Академического университета и Академической гимназии. 2) Преподаваемые языки и учебные пособия, которые использовались в преподавании языков. Особого внимания заслуживают указания автора на то, что в Академии в первой половине XVIII столетия, по-видимому, действовала задуманная И. Д. Шумахером издательская программа по подготовке разнообразных учебников, грамматик и словарей иностранных языков (с. 33, 35, 39, 131 и пр.), в том числе учебных пособий по русскому языку для иностранцев (грамматики М. Шванвица (Шванвича), В. Е. Адодурова, немецко-латинского и русского «Вейсманнова» лексикона и др.). Не менее важным для отечественной лингводидактики является то, что в 30-е годы XVIII века в Академической гимназии и университете русский язык становится самостоятельным учебным предметом, а во второй половине XVIII века разрабатываются учебники русского языка для русских учащихся – прежде всего известная всем «Российская грамматика» М. В. Ломоносова, а также грамматики Н. Г. Курганова¹, В. П. Светова, П. И. Соколова и др. (с. 39–43). 3) Как одно из главных достоинств книги отметим раздел «Персоналии» (с. 52–132), представляющий собой биографический словарь. Архивные изыскания всегда делают историческое исследование ярким и увлекательным, дают возможность познакомить читателей с новыми фактами, показать материал, так сказать, в новом ракурсе. Даже о таких «знаковых» фигурах в числе русских интеллигентов XVIII века, как В. Е. Адодуров, В. К. Тредиаковский, М. В. Ломоносов,

А. А. Барсов, С. П. Крашенинников и др., очень нелегко разыскать и собрать достоверную информацию. Причина этого в общей разобщенности архивов, практических полном отсутствии оцифрованных материалов, полноценного доступа ко многим документам и источникам данных, ненужного бюрократизма и др. Для своей книги Л. В. Московкин кропотливо, буквально по крупицам собрал в архивах и библиотеках (в том числе и иностранных) и обобщил новые, неизвестные ранее биографические материалы практически обо всех лицах, принимавших участие в образовательной деятельности Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге, то есть сведения о более чем полутораста преподавателях русского и иностранных языков, «шпрахмейстерах» (так называли в те годы учителей, которые вели разговорный аспект) и «шрайбмейстерах» (преподавателей письменного языка), профессорах Академического университета, руководителях Академической гимназии и Академического университета, авторах учебных пособий и словарей. Особый интерес представляют сведения о формировании новой русской научной и профессорской элиты – выпускниках Академической гимназии и Академического университета, которые впоследствии поднимали русское образование, организовывали учебную работу в других городах, преподавали русский и иностранные языки в учебных заведениях России, в том числе, подчеркнем, и в Московском университете. Так был воплощен в жизнь задуманный Петром Великим план, которым он, по воспоминаниям И. Д. Шумахера, однажды поделился со своими сподвижниками. Приведем этот рассказ Шумахера с небольшими сокращениями:

«Некогда за столом у Его Величества был разговор об учреждении Академии наук, и государь открыл тогда обстоятельно намерения свои в рассуждении сего учреждения... Я знаю, какое при этом учреждении имею намерение, и теперь вам скажу. Славные наши ученые люди будут писать книги о всяких науках... выберу и поручу им молодых людей, которых они должны будут учить наукам и приготавлять их к тому, чтобы они других учили тем наукам...»².

Таким образом, представленные в книге материалы – результат многолетней напряженной работы автора по сбору, проверке, сопоставлению и систематизации данных об учебной деятельности Императорской Академии наук, что, как представляется, позволяет говорить о *научной новизне* исследования Л. В. Московкина.

Все части книги представляются интересными и содержательными. Достоверность выводов и наблюдений автора основывается на вну-

шительной научной базе: список литературы является исчерпывающим, в него включены все современные научные публикации по данной теме, в том числе публикации в ведущих научных изданиях за последние пять лет. Следует акцентировать, что Л. В. Московкин активно использует редкие и малодоступные источники разной тематической и хронологической приуроченности, которые тем самым вводятся автором в активный научный оборот. Заметим, что многие современные исследования, посвященные истории и культуре XVIII века, написаны порой слишком эмоционально (например, многочисленная «околомоносовская» или «вокругшванвицевская» литература). Положительной стороной работы Л. В. Московкина, безусловно, является объективное, доброжелательное, неангажированное изложение фактов. Действительно, в учебной деятельности Академии наук было немало трудностей, шероховатостей, далеко не все шло гладко, не хватало учебных материалов и квалифицированных специалистов, профессора иногда «уклонялись» от чтения лекций, а студенты порой ходили голодными или попадали в неприятные истории. Так, например, М. В. Ломоносов в 1755 году характеризовал студентов Академического университета, посещавших его лекции по химии, следующим образом:

«На чинимые на лекциях моих вопросы способнее других ответствует Степан Румовский³, который по соизволению Канцелярии с прочими студентами на мои лекции прилежно ходит; Иван Братковский также бы мог иметь равный успех, если бы не часто лекции прогуливал»⁴.

Важно отметить, что работа Л. В. Московкина выполнена на стыке нескольких наук: филологии, педагогики, культурологии и истории. Поэтому представляется, что она будет весьма полезной и познавательной для преподавателей иностранных языков, специалистов по истории образования и истории словесной культуры XVIII века. Студентам-филологам старших курсов, особенно специализирующимся на преподавании русского языка иностранным учащимся, будет весьма полезно познакомиться с рецензируемой книгой, поэтому ее *практическая ценность* очевидна. Большим успехом и заслугой автора и издательства Санкт-Петербургского государственного университета (редактор Н. С. Венёва) является то, что эта замечательная, подлинно петербургская книга вышла в свет в преддверии трехсотлетнего юбилея Петербургского университета и рассказывает о ранних, малоизвестных страницах его истории.

Не вызывает желание оспорить содержание книги Л. В. Московкина ни в целом, ни в частностях. Конечно, хочется, но только в порядке научной дискуссии, обменяться мнениями по некоторым вопросам, например, о том, насколько работа Российского собрания «по сути была работой по созданию русского литературного языка на народно-разговорной основе» (с. 11). Действительно, следует согласиться с тем, что некоторым молодым членам Российского собрания, организованного в 1735 году по распоряжению президента («главного командира») Академии наук И. А. фон Корфа, на ранних этапах их «литературной биографии» была характерна «ориентация на собственно-русскую разговорную стихию с включением просторечных элементов»⁵. Но остальные члены этого высокого научного сообщества были весьма образованными, «книжными» людьми, выпускниками Славено-греко-латинской Академии в Москве, профессиональными филологами старой традиционной школы. Даже Г. Ф. Миллер, известный довольно колкими замечаниями в адрес своих коллег по Академии наук, позднее вспоминал, как указывает Е. Г. Пивоваров, что «Ильинский (И. И. Ильинский, переводчик АН, член Российского собрания. – С. В.) говорил красиво, был очень умен, но в обхождении скромен», а И. С. Горлицкий, переводчик АН и автор нескольких учебных пособий, обучался в 1717–1722 годах в Сорбонне, «выучил довольно французский и увлекался картезианством»⁶. Не

случайно В. К. Тредиаковский, который произнес пафосную речь на первом заседании Российского собрания 14 марта 1735 года о «чистоте» российского языка и необходимости развития отечественного языкознания, просил своих слушателей, чтобы они в ней

«неправильное исправили, недостаточное наполнили, неприличное приличным и надлежащим украсили, лишнее вон выняли»⁷,

то есть обращался к ним именно как к профессионалам-филологам. Маловероятно, что эти опытные, можно сказать, искушенные переводчики и преподаватели оказались под влиянием «новаций» и «эмансипаций» В. К. Тредиаковского, тем более что в послепетровское время «старшая» или «славянская» литературная норма была хорошо кодифицирована и еще пользовалась достаточным авторитетом⁸.

В заключение хочется выразить надежду, что за этой успешной, интересной и содержательной книгой вскоре последует новое исследование (не менее актуальное и, верим, не менее востребованное), посвященное формированию основных лингвистических концепций (представлений об «устройстве языка», языковых категориях, знаменательных и служебных частях речи и т. д.) в Академии наук XVIII века: без этого исследования, как представляется, невозможно восстановление общей картины языкового развития XVIII века.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Клубков П. А. Формирование петербургской традиции лингвистической русистики (XVIII – начало XIX в.). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2011. С. 128–132.
- ² Цит. по: Копелевич Ю. Х. Основание Петербургской Академии наук. Л.: Наука, 1977. С. 64.
- ³ В будущем – выдающийся русский математик и астроном, академик Императорской Академии наук и член Российской Академии, первый попечитель Казанского Императорского университета профессор Степан Яковлевич Румовский (1734–1812).
- ⁴ Ломоносов М. В. Рапорт в Канцелярию АН об успехах студентов, занимавшихся под руководством Ломоносова поэзией и химией 05 февраля 1753 г. // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений в десяти томах. 2-е изд., испр. и доп. Т. 9. Служебные документы. 1742–1765. М.; СПб.: Наука, 2012. С. 377–378.
- ⁵ Алексеев А. А. Эволюция языковой теории и языковая практика Тредиаковского: Новый литературный язык // Очерки и этюды по истории литературного языка в России. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2013. С. 277–278.
- ⁶ Пивоваров Е. Г. К истории создания Российского собрания Академии наук // Социология науки и технологий. 2018. Т. 9. № 4. С. 10.
- ⁷ Тредиаковский В. К. Речь, которую в Санкт-Петербургской Императорской Академии наук к членам Российского собрания во время первого их заседания марта 14 дня 1735 года говорил Василий Тредиаковский // Сборник материалов для истории Императорской Академии наук в XVIII веке. Ч. 1 / Издал А. Куник. СПб.: Типография Имп. Академии наук, 1865. С. 15 (отд. паг.).
- ⁸ Демидов Д. Г. Русский литературный язык на основе славянской нормы в доломоновский период // Язык и ментальность в русском обществе XVIII века / Под ред. В. В. Колесова. СПб., 2013. С. 84–142; Кутина Л. Л. Последний период славяно-русского двуязычия в России // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов: Доклады советской делегации. М.: Наука, 1978. С. 241–264; Кутина Л. Л. Феофан Прокопович. Слова и речи. Проблема языкового типа // Язык русских писателей XVIII века. Л.: Наука, 1981. С. 7–46.